

Расстояния памяти

Содержание цикла:

Михаил Садовский 5

Константин Еремеев 15

Даша Николаенко 36

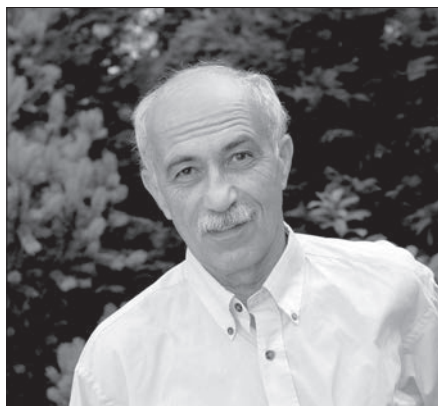
Дмитрий Ванин 54

Антонина Литвинова 76

Анастасия Стрельцова 95

Михаил Садовский

г. Москва

Автор романов, повестей, рассказов, стихов и публицистики, книг для детей, пьес, радиоспектаклей, сборников хоров и песен, либретто мюзиклов и опер. Член СП и СТД России.

Из интервью с автором:

Начинал печататься в 60-е как автор стихов и прозы для детей. В советское время произведения для взрослого читателя лежали в столе — не мог преодолеть цензурных и идеологических барьеров. Сейчас многое из опубликованного попало в интернет, в электронные библиотеки, на различные сайты — процесс этот, как оказалось, совершенно не зависит от автора.

Заяц

Воздух был наполнен серебряной морозной пылью, слетавшей с веток от сотрясающего грохота дальней канонады. И вдруг на ровное пространство, простреливаемое с двух сторон противниками, выскочил заяц. Нелепый и трогательный, он замер и стал нервно оглядываться, примеряясь, в какую сторону безопаснее бежать. Откуда он взялся и как уцелел — невозможно было понять.

Стрельба из окопов мгновенно прекратилась, значит, его заметили. Заяц стоял, обалдев и совсем оглохнув от тишины. Трудно оценить, сколько она длилась, эта тишина. Потом с двух сторон над брустверами стали появляться макушки касок, раздался свист, крики. Заяц робко скакнул в одну сторону, снова замер. Скакнул под углом и опять остановился. В бинокль можно было рассмотреть его обалдевший глаз, обвислые вздергивающиеся уши и смешной толстый зад с будто приклеенным хвостиком. Воистину это была совершенно неожиданная, контрастная пауза в непрекращающемся уже почти четыре месяца затяжном кровопролитном противостоянии.

Этот чудом оживший персонаж детских сказок вдруг появился и как бы напомнил им, что есть мирная жизнь, она совсем рядом и может вернуться или закончиться навсегда в любую минуту, что там, в этой жизни, существуют затрепанные книжки, которые читают дети, есть их смех, тишина, вечерние сумерки и слова «спокойной ночи, спи, милый, завтра дочитаем»...

Никто не стрелял. Сердце стучало, и мысль пульсировала: «Молчит, сука фриц. Неужели пальнет? Неужели убьют?» Этот живой комочек настолько не вписывался в военную бытность, так ясно беззащитен был и, как оказалось, необходим им, что никто не решился даже просто пальнуть в воздух, чтобы спугнуть и тем спасти его. А в окопе напротив, у немцев, тоже наверняка крутилась в головах мысль: «Неужели комиссары убьют своего?».

Было все так, будто этот маленький комочек жизни, уставший от войны, решил прекратить ее — просто не замечать — и все!

Неожиданная и длинная получилась пауза. На фронте все неожиданно: и смерть, и спасение. Заяц вдруг рванул в одну сторону, резко остановился, сиганул под прямым углом, потом еще и еще раз огромными прыжками он выписал на девственном снегу поляны полукруг, замкнул его концы диаметром, пересек быстрыми мелкими шажками, снова на миг замер и пропустил во всю прыть к ближним кустам, оставляя после себя на снегу странный четырехпалый характерный след...

Еще несколько минут было совершенно тихо. Наверное, с обеих сторон осатаневшие от войны люди обсуждали этого безумного храбреца, а потом начали палить без разбора в смеркающееся, наполненное снежной пылью и кажущимися нерезкими серыми тенями пространство. Все палили без толку, чтобы разрядить досаду и снять напряжение...

Сейчас ему казалось, что он тот самый заяц, мечущийся между своими и чужими на поле под Вязьмой в сорок первом. Тогда было совершенно ясно: вот рядом в окопе Ваня Бурмистров, потом новенький в роте лейтенант Никочухин, рядом с ним старшина Понькин, а за ним Набиуллин — и дальше, дальше грязные шинели, усталые лица... Свои... «А кто мне сейчас свои и кто чужие?» — эта мысль трассирующей строчкой пробежала в голове... Воспоминания, пробудившиеся, казалось бы, безо всякой связи с его нынешней жизнью, потянулись неуправляемым потоком... Когда нас с Иваном засыпало, все чудилось, что этот заяц топчет и топчет по нам сверху... То ли затаптывает, то ли откапывает или, может, санитарам знак подает. И то — вот только что тут были и раз — нету, будто взлетели в небо с комьями вывороченной земли, а там ангелы подхватили обоих и прямиком в рай... Ну, еще всякие глупости лезли в голову: обидно очень стало, что полбуханка хлеба за пазухой так и осталась нетронутой — съесть не успели, а теперь нидохнуть, ниохнуть, придавил ее грудью. Иван все требовал молиться... пока не затих, а мне не дотянуться было до него, чтобы потормозить, чтоб не сдавался... самому воздуха не хватало...

Он судорожно глотнул раскрытым ртом, как хотелось тогда...

— Вы что? — донеслось до него. — У вас дело ко мне? Что молчите? Эй, гражданин, вам плохо? Садитесь! — от приказа он будто очнулся, мотнул головой, стащил кепку и шагнул к стулу.

— Извините...

— По какому делу? — она упруго налегла на ребро стола, и грудь вздыбилась халат до подбородка...

— Я насчет работы, — произнес он наконец.

— Работы? — удивилась она. — Какой работы? — он включился от ее силового командирского голоса. — Какая у меня работа?!

— Любой... — процедил он медленно.

Видимо, его интонация, просящая и решительная, тронула ее. Она откинулась назад к спинке стула...

— Любой? Грузчиком, что ли? — произнесла она иронически, оглядывая его внушительную, уже полнеющую от возраста фигуру...

— Грузчиком, — согласился он...

— Ну да! Ну да! Хм... грузчиком... Чтой-то не похоже по вас... — она не спускала с него глаз... — А документ у вас какой, где раньше-то работали?..

Он молча протянул ей паспорт и трудовую книжку. Она внимательно пролистала страницы, прочла место прописки, положила документ на стол, стала внимательно листать трудовую книжку, еще не закончив и не поднимая глаз, спросила:

— Что, все четыре года на фронте?

— Да. От и до... добровольцем ушел.

Она перевернула страницу и даже крикнула...

— Научный сотрудник! Какая ж у меня научная работа тут?! У меня булочная... — и осеклась, взглянув на него...

— Любая... — он пригладил волосы от макушки вперед ладонями, скользнул ими по лицу и попытался улыбнуться, но ничего не получилось. — Мне работа нужна. Срочно. На любую согласен.

Она опять навалилась на стол и тихо, по-женски ласково спросила:

— Только честно, за что уволили?..

Он молчал... Они смотрели долго в глаза друг другу, выражение их лиц менялось, и взгляды будто проникали один в другой. После нескольких минут такого молчаливого разговора ничего уже не надо было объяснять...

— Поняла. Только... если я тебя возьму, нас потом обоих заметут следом... сами знаете... с высшим... Да и остальное у вас в анкете тоже... — она вздохнула. — Ну, может, дворником?.. Там не так проверяют.

— Шутите! — возразил он, — уж как там проверяют! И на вокзале был, в сцепщики хотел... и электромонтером, — вдруг прорвало его, — и в сапожную мастерскую ходил... Я умею... — он чувствовал, что ему надо поделиться, и почему-то легко было ей рассказывать. — Я все могу... и починить, и посчитать. Баллистику преподавал...

— Слушай! — встрепенулась она, — а в бухгалтерии разберешься?.. — и вдруг сникла, такие дела райком не пропустит... — Хлеба могу дать... Если плохо будет, приходи... Четыре года — и живой... Да все я понимаю, — она покосилась на телефон... — А мой на заводе умер. Бронь у него была, а не выдержал... сердце... В момент, как от пули: раз, и все...

Улица всегда успокаивала его. Не может быть, чтобы все кончилось так вот бездарно и глупо... в таком огромном городе не нашлось бы хоть какой работы одному зайцу... «Хм, какому «одному»! Сколько, небось, вот так же мотается по всем улицам и ищет зацепки, чтоб не выслали... Уехать? Ну, месяц-то кончается... Вышлют, но в никуда... В другом месте так же ходят люди и ищут места приткнуться... Вышлют из жизни, а не из города, в никуда, как отброс, как мусор, как врага... Мало им и тридцать седьмого, и сорок седьмого... А ведь в сорок первом все мы были «братья и сестры»... Лучше было остаться там, на опушке за полем, на котором метался заяц, чем дожидать до такого дня, когда стал не нужен стране, которую защищал»...

Вечер уже спустился, огни фонарей и вывесок равнодушно и спокойно раскрашивали улицу, а он чувствовал страшное внутренне еле сдерживаемое напряжение и не хотел идти домой, чтобы не видеть страдающих глаз с неммым вопросом... Какой-то мужчина прошел совсем близко мимо, сделал несколько шагов и медленно обернулся. Под полями шляпы плохо было видно его лицо, но глаза смотрели прямо на него... Наверное, тоже ищет себе место в жизни или ищет кого-то...

«Нет, я не заяц под прицелом на расстрельном мертвом поле, — подумал он. — Я человек, солдат. У меня награды. И я чист, как ангел перед выходом на работу. Кого это волнует, Боже! Какие люди сгинули там, когда мы погибали в окопах... Пусть мне скажут, за что или какая в этом необходимость... Я готов, только пусть скажут...» Он огляделся вокруг, потому что почувствовал вдруг, что выпал из времени, затаил выдох, будто перед снайперским выстрелом, и быстрым твердым шагом направился вниз по Тверской. Таким шагом, каким не

ходят на марше, а только перед строем или на параде... До Камергерского улица шла под горку и сама будто торопила и подгоняла его, боясь, что решимости его хватит ненадолго, — так и случилось. Когда он свернул в переулок и проходил мимо театра, трусливая мыслишка: «Что я делаю?» — проскочила внутри и сбила ритм движения, но он, будто перескакивая через лужу, удлинил свой шаг и двинулся быстрее, чтобы слабость не успела одолеть его до подхода к цели... Кузнецкий мост, Пушечная... и громада всеильного монстра на Лубянке возвысилась перед ним, как неодолимая преграда. Так строили соборы, в которых входящий чувствовал себя ничтожной крохой пред всеильным Всеильным. Дверь поддавалась удивительно легко, несмотря на размеры, и неожиданно он успокоился и почувствовал, что внутри осталось только любопытство — ни волнения, ни страха, только сосредоточенное напряжение и любопытство. И почему-то еще в потоке мыслей промелькнул анекдот про грибы. Вопрос новичка, в грибной охоте нашедшего бледную поганку: «А эти можно есть?» И ответ приятеля: «Можно, только один раз!»

Время оказалось неприемным, и дежурный офицер вежливо посоветовал ему повторить визит в урочные часы таким тоном, будто посетитель хотел войти в магазин, когда дверь только-только закрыли, а за ней еще мелькали успевшие до означенного часа покупатели...

Теперь он стоял на площади спиной к страшному дому и не мог ступить ни шага. Ноги не слушались. Испарина покрыла лицо и тело. Он закинул голову назад и увидел недосыгаемо высоко над собой козырек фриза, преграждающий взгляд в небо. Все закружилось вдруг. Он упал спиной на могучую стену, которая даже не почувствовала его прикосновения. Холод мертвого камня сразу отрезвил его. Стоило огромного усилия оторваться от нее и сделать первый шаг, преодолеть себя, как перед атакой, а потом!.. Он почти бежал! Вниз мимо любимого музея своего детства, мимо темно-серых мрачных стен ЦК партии к набережной и дальше по ней... Вода свинцово сверкала, речной трамвайчик линовал ее белой бурной полосой... Трубы МОГЭС на другом берегу выпускали волны тепла, сквозь которые изгибались и волновались купола церкви... Жизнь шла мимо такая будничная и простая, что сдавило горло, и он понял, что теперь больше ничего не боится. Он не знал почему, но чувствовал это, как в сорок первом, после того как их с

Ваней Бурмистровым откопал незнакомый солдат, зацепившийся за штык его винтовки, торчащий из земли. Он решил достать ее, потому что у него не было никакого оружия, а надо же было чем-то бить фрица. Солдат тогда выковырял пальцем глину у него из рта, плеснул из фляжки в его глотку живительной русской воды и, когда он прокашлялся и задышал жадно и глубоко, сказал просто и уверенно: «Теперь жить будешь, ага, а винтовку, браток, я те не отдам! Вам обоим в медсанбат надо теперь — после контузии отлежаться, а потом уж видно будет... Может, и подвезут оружие... А че те мое фамилие? Помолиться хочашь? Дык пустое... забудяшь, небось... И прально, за всех разом лучша молица...»

На Спасской часы пробили четверть. За мостом пахло свежим хлебом. У церкви Всех Скорбящих толпились согбенные черные старухи.

Я знаю, ты рядом

Я знаю: ты рядом — слышу твой запах, походку, дыхание... Не вижу, но точно знаю... Может быть, за тем углом, — я спешу туда, но... твои шаги опять впереди. Занавеска колышется, и мне чудится шлеп, шлеп босых ног по паркету, мягкий, как кошачий прыжок, звук брошенного полотенца, вихрь откинутого одеяла... Тикают часы с частотой твоего пульса, глаза твои надвигаются — ближе, ближе... Я тону в них и ухожу в завременье. Там нет движения, и следствие может вполне опередить причину или существовать без нее...

Мне не было резона отречься от себя, но это произошло, и лишь много позже стало ясно, что ты была рядом. В этом защищенном пространстве не снашиваются чувства, не тускнеют события и не составляет труда достичь любой даты не только своей жизни.

Ты рядом... Слава Богу, не сливаешься со мной и не становишься неосязаемой, невидимой и несуществующей. Это было бы так обидно...

Я иду с тобой по лесу и могу поделиться радостью от найденного гриба и спеть тебе во весь голос, не стесняясь запутавшегося в

стволах эха, могу просто пододвинуться и поцеловать в это сладкое место щеки возле самого уха в тот момент, когда ты наклонишься к корзинке, чтобы поближе рассмотреть мою находку... Твои пальцы вытянутся и переберут клавиши в воздухе, и по их движению я поймаю мелодию, отчего станет легко и весело, и мы, не сговариваясь запоём: та-ри-ра-ра-ри-ра, туру-ру-ру-ру-ру, тари-ра, та-ри-ра, та-ри, ра-ра-ра... А я наклонюсь, сорву крошечную розетку звездчатки и преподнесу тебе картинно, сделав прежде движение, как шляпой испанский гранд Веласкеса... И ты в тон и в такт преподнесешь мне счастливый миг своим ответом: «Ах, какой чудесный подснежник!» — и подчеркнешь это слово, тогда мы оба засмеемся, и закроемся, обнявшись, и упадем в траву, зацепившись за корни...

Я тогда тоже лежал в траве и смотрел на звезды, и никого не было в этой бесконечности, кто бы взял на прощанье мою руку или перетянул ее жгутом, чтобы я не истек кровью... Я же не знал, что ты через кусты и бурелом уже свернула в мою сторону с дороги, не понимая зачем, я же не знал, что ты — это ты, но тебя это вовсе не смутило... Ты же тоже не знала, кто я... Но сколько себя ты вложила в мое восстановление, и днями и ночами...

И что, разве твои дети похожи на меня? Нет. У них другой отец. Они обо мне ничего не знают... И, может быть, ты тоже... Ты наверняка спасала и спасла кого-то, но это перешло ко мне, перекатилось через огромное поле жизни, перепаханное злой страстью и ненасытной наживой... Наткнулось на меня, подняло, наполнило и вернуло с полдороги туда, ибо я услышал, что нужен здесь, тебе...

А потом не ты ли тихонько потянула меня назад за край рубахи, когда я стоял над пропастью, и шепнула мне без упрёка и надменности: «Есть пропасти поглубже и пострашнее...» А мне казалось... Но ты опять спасла меня и не взяла ни взгляда, ни слова...

Ты это сделала для себя — я помню... И потому осталась со мной. Навсегда.

Это так трудно рассказать... Только в серых сумерках у какой-то ограды, за которой мутно вырисовывается тень разбитой колокольни, вдруг между необходимыми глубокими вдохами сырого ветра почувствуешь твое присутствие и неуверенно шагнешь, вдыхаясь в проходящих мимо людей: эта? Эта? Эта?..

Я молюсь, не умея молиться. Но разве для этого нужны слова? Разговор с Ним не требует никаких атрибутов, мы общаемся не-

слышно и открыто, и я ничего не прошу у Всесильного и, может быть, если это необходимо, тем спасаю тебя?!

Какая неуловимая химера. Ну, вовсе не в расставании, не в состоянии или памяти... Ты слышишь и понимаешь меня — иначе бы не была рядом. Слышу твой запах, походку, дыхание... Заговори меня, отмени бесконечность времени — тебе это по силам. Тогда мои дети научатся этому. Обязательно.

Ты поднимаешь меня ночами, я спростонья бессознательно нахожу карандаш у изголовья и веду пальцем левой руки по бумаге, обозначая строчку, а острие грифеля прижимаю к нему правой и вывожу буквы. Чем ты наполняешь эти каракули? Я смотрю на них утром с недоумением и оглядываюсь — ты рядом... Я слышу твой запах... твою походку... твоё дыхание...

Ты уходишь? Я не ревную. Ты уходишь и остаешься, ты неустанно и неназойливо рядом...

Повтори мне все грубые тихие слова — этой песни нет слаще и страшнее, оттого что она непременно кончается... Я это знаю и ничего сильнее не боюсь на свете. И не могу не бояться, никак, никакими силами...

Потом ты брызгаешь мне в лицо светом, оставляешь обессиленного, но... не можешь уйти! Удаляются шаги, и затихает дыхание, но запах не уходит: это запах жизни.

Когда-то сложили эту Песнь песней, и звучит она в сердце еще до рождения, а когда ангел в первый миг хлопает младенца по губам и он забывает слова, ты приходишь, чтобы сказать их... один раз. Один раз и навсегда.

Я путаю имена, произношу их, а ты подсказываешь и веришь. Им нельзя не верить...

Помнишь, на распутье, когда размочалилась судьба и негодная сила тащила куда-то, ты сказала одно слово, и я знал, что нет другой дороги...

Склонись над постелью моих детей. Пройди у меня в изголовье.

Я не смогу разувериться и уйти в никуда, пока ты рядом... Ни решить задачи, ни написать строку... Мне не нужна помощь — только чтобы была ты! Рядом. Так устроен мой мир, в котором все, что ни происходит, — рождение, пока ты рядом... Чтобы слышать твой запах, твои шаги, твоё дыхание...

Однажды рано-рано я шел с пешней по талому снегу заливно-го луга и вдалеке услышал твой голос. Ты не звала на помощь, ты

кричала свое «прощай» равнодушному миру... И я, не раздумывая, бросился в ледяную воду спасти тебя. Мы цеплялись за льдины, а они поднимались вертикально и падали на нас. Мы выныривали из-под них и снова боролись впустую... И вдруг ты прижалась ко мне и стала тащить к перекату, а там мы оперлись о камни и еле живые, застывшие, обдирая ладони и грудь, ползли поперек потока к берегу...

И вдруг я понял... Ты вернула свою пропащую жизнь, чтобы спасти меня, и тоже ни секунды не сомневалась — что дороже, чем менять свое решение, — ты же не знала, что я, чужак, не умею плавать!..

С тех пор навсегда, что бы ни случилось, ты рядом... И жизнь может оборваться в любой момент, когда я не услышу рядом твоего запаха, шагов и дыхания...

Константин Еремеев

США, г. Монтерей

Родился в Саратове. Окончил Московское (кадетское) военно-музыкальное училище и Московскую консерваторию. С 2000 года живет в Калифорнии. Преполагает русский язык. Пишет стихи, переводит на русский англоязычных поэтов и документальную прозу. Публиковался в первом издании альманаха «Литературная Америка» (2015). Участник финалов всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» 2014, 2015 и 2016 годов в Льеже (Бельгия).

Из интервью с автором:

Музыка, оставшись в сердце, вылилась в поэзию как следствие недостатка родной культуры и языка в другом мире — дефицита духовного кислорода.

СТИХИ

Стихи разбросаны по улицам
и мокнут в парке под дождем.
Они смеются или хмурятся,
подчас заигрывая с нами.

Но мы, измученные прозою,
свой крест куда-то все несем.
А этот мир, для счастья созданный,
нам снится призрачными снами.

«К Проводникам...»

Нет, милый Шуберт —
Франц наивный,
Не так все будет на земле.
Сгорят дома, поля и нивы,
И будет музыка в золе...

Нет, гордый Людвиг ван Бетховен,
Не ода «К радости» твоя
объединит, а матч «Эйндховен» —
«Бавария» — **Das Stimmt, Ja, Ja.**

О, Дюрер, нет —
Мой светлый Альбрехт,
Гравюры тонкие твои
Оставлены в высоких альпах
Ушедших нравов и любви.

И снова нет, дражайший Гете —
Мыслитель, музы ловелас,
Не вам владеть сознанием масс.
Когда искусство на излете,

Но счастье в том, что вы живете
Хотя бы в нескольких из нас.

Выйдешь случайно
в чужую весну

Выйдешь случайно в чужую весну, —
в чью-то священную мглу.
В небе фонарик далекий блеснул,
искрой скользнув по стеклу.

Лунной испариной ляжет роса —
слез полуночный покров.
И не заметишь — окажешься сам
в омуте вешних садов.

Тихо с деревьев стряхнет белый цвет
ваше величество грусть.
Знаю, что в этот парящий рассвет
я никогда не вернусь.

Ген одиночества — грустный аллель,
разочарованный мим
бродит под сводами спящих аллей —
ищет потерянный мир.

Люминесцирует млечная даль.
Чей это призрачный свет?
Падают звезды — роняют печаль.
И окончания нет.

Пределы

Вот так понемногу, по капле
вода не оставит следа
ни марта, ни камня на камне,
ни жизни разбитого льда.
И нас понесет по дорогам
в весенний туманный рассвет
шофер на маршрутке убогой,
которому имени нет.

И так бы оно и случилось, —
темнел умирающий снег,
и чья-то незримая сила
наш пульс запускала в разбег.
И верили: все — несерьезно,
и жили, смеясь и шутя.
А жизни жестокая проза
топила нас словно кутят.

И мы, уплывая в пределы
досель неизвестных миров,
смотрели на мир этот белый
сквозь серость предмартовских снов,
где купол светлед, ускользя
от сумрака наших аскез,
из обетованного рая
отечных весенних небес.

ДЫМ КОСТРОВ

Я вижу мальчика, на дереве сидящего
И яблоки бросающего вниз.
Но он из прошлого, а я из настоящего,
И это все — лишь памяти каприз.

Он улыбается, и вьются его волосы,
А снизу ему дед грозит рукой,
И узнаваемы их оба голоса
В том времени, ушедшем на покой.

И дым костров опять слезит глаза мои.
И запах осени из детства прошлых лет
Опять мне лжет, что все осталось за морем.
Но знаю я, что этого там нет.

Там есть земля, покрытая бурьянами,
Могильный камень на семи ветрах.
И стая птиц, с их ариями пьяными
Не потревожит моих предков прах.

Наши реки

Памяти Николая Рубцова

Плыть по реке на неспешащем судне —
Что может быть приятней и теплей?
Доверить бегу волн года и судьбы
И дух речной увидеть, как елей.

Простым матросом, а не капитаном —
Работать днями в саже и в поту.
А вечерами становиться пьяным
От водной глади, стоя на борту.

Меж берегов спускаться по течению
В туманы утра, в розовый закат,
И предаваться внутреннему пенью,
И знать, что нет судьбе пути назад.

Бороться с непогодой и стихией.
И женщину любимую свою
Не забывать, и ждать — писать стихи ей,
И в письмах повторять «Я вас люблю...»

Слова срываясь с губ подобны птицам —
Летят, чтоб возвратиться через год.
И встреча неизбежно состоится,
Как, впрочем, и прощанье и уход.

Плыть в никуда с дымящей папироской.
Нехитрый ужин с другом разогреть.
И этот мир, на первый взгляд неброский,
Любить.

И не бояться умереть.

Песнь пчелы

Я пчела.
Лето жжет. Лето бесит нас.
И летим мы жужжа и брюзжа.
И спасение наше — Медовый спас,
Наше жало острее ножа.

Мы голодные, жадные мессеры,
Мы лютуем с утра до темна.
Нам не так, как вам кажется, весело —
Наша жизнь коротка. И — одна.

Мы коршим.
Мы не просто со-трудники, —
Мы ловцы вкусовых жемчугов.
Мы ныряем в янтарных сот рудники,
Оставляя там капельки снов.

В нашем доме сокровище-золото!
И мы все, как один, за него
Отдадим свои буйные головы.
Жизни мед! — он ведь стоит того.

А когда мы умрем этой осенью —
Кто — от холода, кто — от тоски,
Пчеловод с чуть заметною проседью
Нашим медом набьет рюкзаки.

...

Лето умерло. Землю всю залило,
Над осенними ульями дым.
Все же жаль, я его не ужалила, —
Я за мед посчиталась бы с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru